

и духовное наследство своим детям и внукам. Чтобы образ мужественного и храброго солдата был примером подражания и для предыдущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Мубаракишина Р. Писатели, погибшие за Родину. [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: <http://www.kremnik.ru/node/423212> (режим доступа – свободный).
2. История русской советской литературы / Под ред. П. Выходцева. М., 1970. С.390.
3. Ягудин Н. Күпләрнең берсе // Ватан өчен. 1942. 18 авг.
4. Ильясов К. Санитар Сунгат Габдрахманов // Ватан өчен сугышка. 1944. 25 авг.
5. Абсалямов А. Ярсу күнел // Ватан өчен сугышка. 1944. 2 июня.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (на примере эмигрантского журнала «Путь»)

Е.В. Парахневич,

Волгоградский государственный университет, ассистент

E-mail: parahnevich@mail.ru

Аннотация: в статье исследуется проблема доступности смыслового содержания религиозно-философской публицистики в условиях ее прецедентности. Путем анализа прецедентных феноменов делается вывод о том, что главным пратекстом для авторов журнал выступает текст Библии, при этом сакральные образы переносятся на семантическое пространство современной действительности, сохраняя, в целом, свою архитипическую семантику, но наполняясь новым актуальным содержанием.

Ключевые слова: прецедентность, религиозно-философская журналистика, журнал «Путь», семантический трансфер.

Summary: The article is analyzed the problem of access to the semantic content of the religious and philosophical journalism given its precedent. The result is that the main pratext for authors of journal is the text of the Bible, and the sacred pattern are transferred to the semantic space of contemporary reality, they retain its archetypal semantics but fills with new relevant content.

Keywords: precedent, religious and philosophical journalism, journal “Put”, semantic transfer.

Первая треть XX в. считается временем расцвета религиозно-философской публицистики, поскольку ввиду чрезвычайных исторических

событий этого времени перед публицистами встала задача осмысления самых глобальных вопросов бытия или заполнения возникшего культурно-духовного вакуума. Философскую мысль первой трети XX в., представлявшую собой уникальное явление, Н. Бердяев называл «русским духовным ренессансом»: «Начало XX в. ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности» [2, С.3]. В частности, Н. Бердяев обозначил основные его типические черты:

- элитарность, то есть действующей силой «духовного ренессанса» была культурная элита, «оторванная не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции» [Там же, С.4];
- изменение направленности сознания – от исключительной обращенности к «посюстороннему» к раскрытию «потустороннего»;
- диссонанс христианства и современных ему науки и социально-политической жизни;
- преобладание идеи преобразования над идеей спасения.

Квинтэссенцией русской религиозной философии Н. Бердяев называет свой журнал «Путь» (1925-1940 гг.), позиционирующий себя «журналом духовной культуры» и продолжающий традиции русской свободной религиозно-философской мысли XIX и XX вв.

Таким образом, Н. Бердяев как редактор журнала «Путь» осознавал, что русская религиозная философия, заложенная в идейную и программную основу его издания, – явление элитарное, и философское знание доступно лишь избранным, а значит, аудитория сумеет декодировать субъективную информацию, заложенную в журнал, лишь путем «сопереживания» текста, «считывания» смыслов.

В этой статье мы будем исходить из того, что адекватное понимание текста возможно лишь в том случае, когда когнитивная база автора и читателя оказываются равными. В то же время стоит оговорить, что полное совпадение возможно лишь теоретически. На практике же возникают две ситуации: либо читательский тезаурус оказывается недостаточным, что приводит к непониманию, искажению смысла текста, либо когнитивная база читателя несколько шире авторской, и в таком случае реципиент открывает границы текста, видя в нем то, что первоначально заложено не было.

Это возможно только при условии прецедентности текста, когда исходный смысл прецедентного феномена ассоциативно связан с его новой семантической отнесенностью. В процессе чтения реципиент переосмысливает старый сюжет или образ, таким образом, происходит так называемая реинтерпретация интертекстуальных контактов. Прецедентность возможна лишь при условии, что у коммуникаторов имеются общие фоновые знания.

В рамках исследуемого нами журнала в качестве главного пратекста, или первотекста, имеющего прецедентную значимость в масштабах всей цивилизации и выступающего носителем мирового религиозного, философского и литературного канонов, является Библия. Дискурс журнала «Путь»

отличается широким спектром текстов самого различного жанра – от религиозных проповедей до философских трактатов, – но его смысловым центром остается *сакральный текст*, содержащий в себе базовые положения православной религии и характеризующийся всеохватностью и универсализмом.

Журнал, будучи «органом русской религиозной и философской мысли», обращается к Библии в поисках ответов на актуальные для него вопросы и для выяснения возможных причин современных ему событий. Подобный интерес к священным текстам можно объяснить их вероучительным характером, когда они играют определенную роль в формировании сознания. С другой стороны, сакральный текст демонстрирует пример идеального общества, выстроенного по этическим нормативам [подробнее см. 15], он репрезентирует ритуальные поведенческие коды, что было весьма востребовано русской эмиграцией в переходный для нее период, когда нарушилось привычное, прежде устойчивое течение бытия и перед нею встал вопрос поиска национальной идентичности.

В.В. Красных отмечает, что о прецедентности можно говорить в том случае, если феномен отличается следующим требованиям: широкое распространение и известность; актуальность в когнитивном плане; частность использования и выделяет следующие виды прецедентных феноменов: прецедентная ситуация, прецедентное имя и прецедентное высказывание [12, С.51]. Рассмотрим, как эти традиционно выделяемые классы прецедентных феноменов реализуются в журнале «Путь».

Прецедентная ситуация определяется как «некая “эталонная”, идеальная ситуация, связанная с набором определенных ситуаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [Там же, С.55]. Ярким примером прецедентной ситуации в текстах журнала может стать образ восхождения на Голгофу.

В православии Крестный Путь Иисуса на гору Голгофу воспринимается как дорога страданий, жизнь, полная стойко переносимых бедствий, поэтому, прежде всего авторами журнала «Путь» Голгофа рассматривается как «предельное выражение трагизма, которое может постигнуть Сына Человеческого и сынов человеческих» [7, С.22].

В журнале образ Голгофы употребляется в трех значениях:

1) восхождение на гору Голгофу, Крестный Путь как метафора жизненных испытаний: «Из этого следует, что богоборчество – тяжелый и кружной путь к истинному познанию Господа, своего рода Голгофа человеческой мысли» [8, С.57].

2) распятие Иисуса Христа как метафора искупительной жертвы, искупления грехов: «Христианская жизнь сосредоточивается около Искупительной Голгофской жертвы Сына Божия, как величайшего проявления Божественной любви и правосудия» [18, С.13].

3) перерождение, начало новой жизни как метафора спасения, обретения новых смыслов существования: «Воскресение невозможно без Голгофы, без искупительной смерти, ибо и зерно пшеничное “не оживет, аще не

умрет”» [13, С.52]; «Бог, сотворивший мир словом Своим, снова сотворяет его – Голгофой, крестом» [3, С.3].

Включение данной прецедентной ситуации в тексты журнала придает особое звучание описанию социально-политических реалий начала XX в. Например, М. Курдюмов в статье «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия» сравнивает октябрьскую революцию одновременно с голгофским шествием и с беснованием демонов: «Шли на смерть и в тюрьму иерархи, священники, монахи, миряне. И параллельно этому голгофскому шествию, двигались хороводы сатаны: первомайские и иные процессии, выбрасывавшие свои лозунги и свои эмблемы» [14, С.101].

Выделенная логически взаимосвязанная триада семантики Голгофы «испытание-искупление-спасение» формирует вектор, определяющий, по мнению авторов, исторический циклически замкнутый процесс в целом. Современный период русской истории воспринимался эмигрантами как *катастрофа*, принеся им невиданные страдания и приведшая к потере нравственных ориентиров и ценностей. Однако эмигранты видели свою миссию в том, чтобы сохранить национальный облик утраченной России, *искупить* ее грехи (за которые принимались революция и большевизм) и тем самым снова обрести *возрожденное*, обновленное государство.

Фактически можно говорить о том, что Голгофа предстает на страницах издания уже не как метафора, а как образ-символ, позволяющий включать трансферные механизмы, в рамках которых осуществляется символический перенос библейского, сакрального образа на актуальное семантическое пространство современной эмигрантской реальности. В этом смысле для журнала «Путь» весьма актуально утверждение, что «культура русской эмиграции не стала исключением из тенденции, присущей искусству новейшего времени вообще, – наполнение традиционных мифологем новым содержанием, но с сохранением их архетипической семантики» [16, С.139]. Библейский образ Голгофы утрачивает свою сугубо религиозную доминанту, включаясь в дискурс русской эмиграции.

Теперь обратимся к анализу *прецедентного имени*. Конгруэнтным примером является, на наш взгляд, имя Иуды. В целом для религиозного дискурса оно несет в себе исключительно отрицательную коннотацию; сложилось устойчивое культурное представление об имени Иуда как о нарицательном обозначении предательства.

В журнале «Путь» эта ставшая классической трактовка встречается довольно часто: «...предательство Иуды знаменует для Иоанна наступление ночи» [1, С.14]; «Иуда есть Христов апостол, хотя и апостол-предатель» [5, С. Верил (60 лет)]. Тем не менее, ряд авторов журнала считает такой подход слишком упрощенным; они делают вывод о вариативности понимания этого символического образа и, основываясь исключительно на весьма скудной информации, содержащейся в четырех Евангелиях, выстраивают весьма сложный и неоднозначный образ Иуды Искарота. Канонический образ предателя, одержимого сребролюбием и попавшего под влияние сатаны, переносясь на пространство эмигрантского дискурса, получает новую трак-

товку и по мере погружения в журнал, все более конкретизируется. Иуда Искариот предстает «горожанином с пролетарской психологией» [Там же, С.9], которого «зрелище народной нищеты и угнетения» делают «революционером», вступившим на путь политического террора, с одной стороны, и «экономическим материалистом» [Там же, С.9] с другой. Как отмечается, «в нем рано пробуждена мысль, работающая упорно и однодумно, мечта граничащая с навязчивой идеей, о дарстве Израиля, которос и есть в глазах ревнителей (Зилотов) царство Божие, начинаемое мессией здесь на земле. Его душа горит мессианской ревностью и болит национальной скорбью» [Там же, как в 10]. Проникнувшись идеями Иисуса, он жаждет видеть того «на престоле Израилевом, открывающим царство Своему народу, утоляющим всякую скорбь и исцеляющим всякий недуг и всякую болезнь в людях, а затем и мировым владыкой» [Там же, С.25]. Однако слыша от Иисуса слова о предстоящем страдании и смерти, а стало быть, верной неудаче Его дела, Иуда стремится, хотя бы и ценой предательства, поставить «его в безысходное положение, из которого Он может выйти, только явив Себя царем» [Там же, С.26].

Стоит отметить, что само включение имени Иуда необходимо редакции журнала исключительно для того, чтобы ответить на мучающий их на протяжении всей жизни один вопрос: «Что случилось и что происходит с Россией?» – а значит, имя Иуды в эмигрантском журнале применяется преимущественно для оценки событий начала XX в.. Так, С. Булгаков отходит от традиций экзегезы, возвращаясь к сквозной теме журнала, сопоставляя (хотя и осознавая определенную условность такого сравнения) смоделированный образ Иуды и образ народа русского, который «под давлением гонения и насилия, отрекся и отрекается от Христа, предавая Его за 30 серебрянников» [6, С.30], настаивают на том, что именно радикальная, революционная идея, а вовсе не корыстолюбие толкнули Иуду на предательство.

Фактически имя Иуды, включаясь в образную символику «Пути» приобретает еще один денотат, помимо Иуда-предатель, Иуда-революционер.

Далее рассмотрим, как в журнале реализуется известное библейское высказывание «отделять плевелы от пшеницы», также являющееся для журнала прецедентным.

Есть много трактовок притчи о пшенице и плевелах, приведенной в Евангелии от Матфея: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда возшла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя ты сеял на поле твоём? откуда же плевелы? Он же сказал им: враг человеческий сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал им: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф.13: 25-30).

Чаще всего разъясняется, что «посеявший доброе семя» – это Иисус Христос; «враг Его», сеятель плевел – дьявол-искуситель; «поле» – мир, по которому распространится вселенская Церковь; «доброе семя» – сыны Царства, чада Церкви, в которых благодатное семя слова Божия пустило корни, проникло в сердце; «плевелы» – сыны лукавого, то есть соблазнитель, через которых сатана делает свое лукавое дело, «рабы» – это ангелы, жаждущие любой ценой искоренить всякое зло.

Церковь, уподобленная Евангельскому полю, где до часа жатвы растут вместе пшеница и плевелы, – наиболее любимый образ богословия: «Мирской порядок есть жатва хлебоплевельная. Господь ангелам велит не трогать его. До Суда» [11, С.27]. Согласно текстам журнала, в данной библейской притче заключается дихотомия добра и зла: «В притче о пшенице и плевелах с исключительной силой выражена мысль о некоей сопряженности в человеке (после грехопадения) добра и зла, света и тьмы. Однако эта сопряженность вовсе не уравнивает в метафизическом смысле начал добра и зла в человеке: как плевелы столь тесно сплетаются с пшеницей в притче Господней, что их уже невозможно отделить “до конца жатвы”, так зло в человеке срастается с добром в самой глубине человека, то есть глубже его эмпирического состава» [9, С.22]. Весь эволюционный процесс человечества воспринимается как сосуществование добра и зла в предвкушении катастрофы. «История кончается, но не исполняется, не достигает предела в смысле эволюционного накопления или созревания. Она созревает для катастрофы, – в ней “накапливается” и созревает и доброе, и злое, – плевелы среди пшеницы. История насквозь двойственна» [17, С.44].

В трактовке канонических сюжетов и образов Евангелия авторы позволяют себе достаточно «свободную» трактовку Библии. Причем метод, который избирают авторы бердяевского журнала для экзегезы, выходит за рамки простого комментария – исходный текст не воспроизводится, он переструктурируется, соотносится с новым историко-культурным контекстом эпохи, приобретает публицистическое звучание: «Эмиграция не замечала и не оценивала внутреннего влияния большевизма на народ. Она не могла усвоить того, что все силы Церкви должны устремиться в глубину, в те недра народной души, где революция, разрушая навыки и традиции прежнего бытового благочестия, сеет ядовитые плевелы звериной религии материализма» [14, С.108]. В этом отрывке наглядно демонстрируется трансферный перенос значения «сеятель плевел – дьявол-искуситель» на «сеятель плевел – большевик / революционер». Подобная «демонизация» Октябрьской революции вообще характерна для журнала.

Лейтмотив, заданный М. Курдюмовым, продолжается и в статьях иеромонаха Иоанна Шаховского: «Ад есть действительность, действительность антропо-демонологическая – безусловно восходящая по ту сторону антропологической этики... реальность “детей Дьявола”, творящих похоти “отца своего” и “ничего” не имеющих во Христе, изображена в Евангелии образом плевелов, всеваемых врагом в пшеницу, невидимых в период роста

всходов (история культуры), и только после какого то времени замечаемых...» [10, С.66]. Об этом же говорит и о. Сергей Булгаков, предостерегая об опасностях, исходящих с «советского берега» русской культуры: «Там говорят: ...Плевелы растут вместе с пшеницей и не наше дело вырывать их. Наше дело, – заботиться о том, чтобы наш колос был полновесен для Царствия» [4, С.65].

Фактически включение прецедентного высказывания «плевелы и пшеница» позволяет реализовать оппозицию «свой / чужой», причем «чужое» («советское», «большевистское» или «революционное»), благодаря включению эмотивно окрашенного прецедентного высказывания, лишается всякой положительной коннотации.

Таким образом, авторы не просто цитируют библейский текст, они его интерпретируют, придавая ему новое звучание, создавая тем самым другие смысловые пласты и заставляя читателя реинтерпретировать прежний сюжет. Библейский образ переносится на семантическое пространство современной действительности, и, сохраняя в целом свою архитипическую семантику, он наполняется новым актуальным содержанием. Включение христианских образов в контекст журнала активизирует в его семантическом поле религиозные паттерны, коды, фиксирующие идеальные модели.

Прямое включение прецедентного текста в виде библейских прецедентных имен, ситуаций и высказываний доказывает его актуальность в качестве интерпретативного поля для автора с одной стороны и подключение реципиента к анализу связей текста и исходного текста – так называемую направленность на внешнюю диалогичность, в результате чего формируются новые смыслы. Библия как прецедентный текст не просто воспроизводится в виде цитат-аргументов – ее образы переструктурируются, соотносятся с новым историко-культурным контекстом эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безобразов С.* Воскрешение Лазаря и Воскресение Христова // *Путь*. 1929. № 16. Май. С. 3-19.
2. *Бердяев Н.* Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // *Путь*. 1935. № 49. Октябрь-декабрь. С. 3-22.
3. *Булгаков, о. Сергей.* Благодатные заветы преп. Сергия русскому богословствованию // *Путь*. 1926. № 5. Октябрь-ноябрь. С. 3-15.
4. *Булгаков, о. Сергей.* Очерки учения о Церкви. IV. О ватиканском догмате // *Путь*. 1929. № 15. Февраль. С. 39-80.
5. *Булгаков, о. Сергей.* Иуда Искарот – Апостол-предатель // *Путь*. 1931. № 26. Февраль. С. 3-60.
6. *Булгаков, о. Сергей.* Иуда Искарот – Апостол Предатель (окончание) // *Путь*. 1931. № 27. Апрель. С. 3-42.
7. *Вышеславцев Б.* Трагическая теодицея // *Путь*. 1928. № 9. Январь. С. 13-33.

8. *Гофштеттер И.* Богоборчество (В чем доблесть Иакова и правота Иова) // Путь. 1930. № 22. Июнь. С. 52-66.
9. *Зеньковский. В.* Зло в человеке // Путь. 1938. № 56. Май-июнь. С. 19-36.
10. *Иоанн, Иеромонах (Шаховской).* О назначении человека и о путях философа // Путь. 1931. № 31. Декабрь. С. 53-69.
11. *Иоанн, Иеромонах (Шаховской).* Свобода от мира // Путь. 1929. № 17. Июль. С. 25-30.
12. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 2002. 352 с.
13. *Курдюмов М.* В Фаворском свете // Путь. 1929. № 17. Июль. С. 30-53.
14. *Курдюмов М.* Подвиг св. Сергия Радонежского и дело Митрополита Сергия // Путь. 1928. № 11. Июнь. С. 94-112.
15. *Меликов В.В.* Введение в текстологию традиционных культур. М.: РГГУ, 1999.
16. *Млечко А.В.* От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920-1940 гг.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 571 с.
17. *Флоровский Г.* Метафизические предпосылки утопизма // Путь. 1926. № 4. Июнь-июль. С. 27-53.
18. *Четвериков, прот. С.* Евхаристия как средоточие Христианской жизни // Путь. 1930. № 22. Июнь. С. 3-23.

КИНОИСКУССТВО В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МАРИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946–1965 гг.)

В.И. Рыбалка,

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола), доцент

E-mail: Rybalka-Vladimir@rambler.ru

Аннотация: рассматриваются имеющиеся недостатки в кинообслуживании населения марийской деревни, простои киноустановок, дальнейшее развитие киносети и использование резервов, рекламирование кинофильмов, информационные выпуски на телевидении «Панорамы», в которых вводились рубрики, отражающие политическую и экономическую жизнь страны, проблемы сельского хозяйства республики. Особое место отведено проведению фестивалей сельскохозяйственных фильмов, Всероссийского смотра киноустановок.

Ключевые слова: кинообслуживание, недостатки, реклама, кинопередвижки, телевидение, смотры, кинофестивали, подготовка кадров.

Summary: shortcomings in motion-picture services for people living in Mari village, downtime of film projector units, further development of cinema circuit and use of reserves, film promotion, news-bulletins on “Panorama” television where the